

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Л а м а н с к а г о

Выпуски III и IV₄

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія В. О. Пасторъ, Фонтанка, № 94.
1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

	Стран.
1. Обряды духоборцевъ. <i>Влад. Ольховскій</i>	233—270
2. Старина и старообрядцы. (Поѣздка въ Поморье и Заонежье. <i>Н. Ончуковъ</i>)	271—289
3. Пѣсни Дмитровскаго уѣзда Орловской губерніи, записанныя <i>В. Н. Добровольскимъ</i>	290—414
4. Крестьянская свадьба въ с. Загоскинѣ, Пензенскаго у. (Бытовой очеркъ). <i>Ник. Астровъ</i>	415—458
5. Вечерованье, пѣсни и городки (хороводы) въ Кокшеньгѣ Тотемскаго уѣзда. <i>М. Едемскій</i>	459—512
6. Черниговскіе Малороссы. Бытъ и пѣсни населенія Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи. <i>Иванъ Абрамовъ</i>	513—551
7. Суевѣрныя средства, употребляемыя крестьянами для открытія преступленій и преступниковъ. <i>В. Антиповъ</i>	552—555
8. Остатки умыканья	555.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпуски III и IV

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія В. О. Пасторъ, Фонтанка, № 94.
1905.

Черниговскіе Малороссы.

Быть и пѣсни населенія

Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи.

(Этнографическій очеркъ *)

СОДЕРЖАНІЕ.

Географическое положеніе описываемой мѣстности. Преданія и историческія извѣстія о ней. Одежда населенія. Пѣсни. «Обжинки». Свадебные обряды и пѣсни. Крестины. Колядки и щедрівки. «Царь-Максимиліанъ».

«Засіванье». Дѣтскія побасенки. Лирники и ихъ пѣсни. Масленица. Весеннія игры и пѣсни. Примѣты, заговоры и суевѣрія. Заключение.

Малороссы Глуховскаго уѣзда, самаго восточнаго уѣзда Черниговской губ., представляютъ несомнѣнный интересъ для изслѣдователя народнаго быта. Соприкасаясь съ великоруссами Орловской и Курской губ., а также съ бѣлоруссами Новгородсѣверскаго уѣзда, населеніе даннаго района имѣетъ немало любопытныхъ особенностей и въ языкѣ и въ обычаяхъ.

Изъ мѣстныхъ поселеній я буду имѣть въ виду, при описаніи малороссовъ Глуховскаго уѣзда, преимущественно жителей уже упомянутаго мною мѣстечка Воронежа.

Мѣстечко Воронежъ (родина извѣстнаго писателя П. А. Кулиша)—очень древнее поселеніе. Преданіе говоритъ, что оно древнѣе губернскаго города Воронежа. Въ этой мѣстности издревле былъ густой лѣсъ, остатки котораго сохраняются и понынѣ; въ лѣсу водилось много воронья, отъ этого, будто-бы, и мѣстечко получило свое названіе: Воронежъ?

Во второй половинѣ XVII вѣка мѣстечко было выжжено до тла и жители обнищали настолько, что не могли выплачивать пода-

*) Матеріаломъ для настоящей статьи послужили мои личныя наблюденія надъ жизнью населенія Глуховскаго уѣзда, главнымъ образомъ,—мѣстечка Воронежа, знакомаго мнѣ съ дѣтства. Кромѣ того значительное число пѣсенъ доставлено мнѣ М. С. Абрамовымъ, сельскимъ учителемъ с. Блистовы Черниг. г. Пѣсни записаны имъ отъ жительницъ мѣстечка Воронежа Черниг. г. М. С. Абрамовой, Е. Е. Власовой, А. Ш. Кесарь, М. Е. Павуль и др.

тей, поэтому они были освобождены на 10 лѣтъ отъ всякихъ повинностей.

Съ тѣхъ поръ мѣстечко нѣсколько разъ выгорало и перестраивалось, но характеръ древняго поселенія оно сохранило и донынѣ, центръ его значительно приподнятъ подѣ окружающей мѣстностью и обнесенъ хорошо сохранившимся значительнымъ валомъ: въ этомъ кремлѣ помѣщается теперь главная церковь и базаръ.

Въ періодъ войны со шведами, Воронежъ видѣлъ на своихъ улицахъ Петра Великаго, о чемъ свидѣтельствуетъ историкъ Костомаровъ: «Петръ получилъ извѣстіе о взятіи Батурина, находясь уже въ Воронежѣ. Нынѣ большое мѣстечко Глуховскаго уѣзда при рѣкѣ Осокѣ въ 34 верстахъ отъ Глухова, на дорогѣ въ Новгородъ-Сѣверскъ» («Мазепа и Мазепинцы». Спб. 1885 г. стр. 449.)

При Петрѣ Великомъ былъ въ Воронежѣ сотникъ, Потапъ Назаренко, оставившій по себѣ весьма печальную память. Въ дѣлахъ губернскаго правленія сохранился любопытный документъ (за № 36), представляющій собою жалобу воронежскаго атамана на сотника Назаренка, произведеннаго въ сотники «за вѣрную службу подѣ часть нашествія шведскаго». Привожу эту жалобу какъ характерный признакъ измѣненія старыхъ устоевъ при Петрѣ Великомъ. «Въ походѣ Чигирнѣ-дуброву, — гласитъ жалоба — панъ сотникъ, придя съ казаками локотковскими и слугами въ курень мой, потребоваль, чтобъ куплены были горѣлка и медъ; я купилъ. Потомъ не утерпѣвъ, сказалъ: «Утощаются и локотковцы и слуги, а въ походѣ мнѣ и безъ того тяжело». Онъ закричалъ: «Ты не знаешь, кого утощаешь?» «Знаю, сказалъ я, что вы сотникъ, какъ и другіе». «Нѣтъ, курвинъ сынъ, — не такой же я: ты знаешь, что меня самъ царь назначилъ въ сотники! Я васъ всѣхъ упрячу въ Сибирь! Что захочу, то и сдѣлаю», — «Неправду, панъ сотникъ, говоришь: ясновельможный гетманъ также слуга царскій, а онъ старше тебя». Онъ закричалъ: «Что мнѣ гетманъ? Я принялъ старшинство прежде его». и ударилъ меня по щекѣ. «Бейте его!» закричалъ онъ пьянымъ казакамъ. И они всѣ стали бить меня. Еслибъ Глуховская сотня не отбила меня, то пришлось бы умереть подѣ боемъ». Къ этому воронежцами прибавлено:

«Когда приходятъ указы о походѣ, панъ сотникъ беретъ съ тѣхъ, которые могли бы быть въ походѣ копей по осьми и таларей по десяти и увольняетъ отъ похода; другихъ за подарки отпускаетъ съ дороги. Не довольствуясь тѣмъ, онъ, сотникъ, собираетъ по шестаку какъ съ войсковыхъ, такъ и съ посполитыхъ; да еще каждый праздникъ беретъ по 30 таларей изъ казны общественной, когда отправляется въ Глуховъ. Ремесленники, а ихъ много въ городѣ, бесплатно работаютъ на сотника; лучшихъ жителей беретъ въ свой дворъ и тѣ смотрятъ тамъ за его лошадьми и даже топятъ печь. По универсалу Гетманомъ назначено брать на построеніе каменной церкви по 5 коп. изъ винной продажи. Панъ сотникъ взялъ сафьянные чоботы за то, чтобы получено было отъ него позволеніе; а потомъ и универсаль и доходъ отнял. Константинъ Бугаенокъ жадуется, что панъ сотникъ не только отнял отъ него хорунжество, а какъ его, такъ теперешняго городского атамана Григорія Кузьку велѣлъ бить кіями на улицѣ публично» *).

Остается неизвѣстнымъ результатъ этихъ жалобъ.

*) Цитируемъ по книгѣ: «Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи», 1873 г.

Въ прежнее время въ здѣшней мѣстности существовала особая цеховая организація ремесленниковъ; группа ремесленниковъ во главѣ съ выборнымъ цехмистромъ, составляла «братство», имѣвшее свой «сурядъ»; теперь о цехахъ остались одни воспоминанія, хотя ремесла (особенно, ткачество) процвѣтаютъ здѣсь и по настоящее время.

Въ прежнее время въ данной мѣстности, какъ и въ другихъ мѣстахъ старой Малороссіи, сильно было развито выборное начало. Прихожане избирали себѣ священниковъ и назначали имъ плату. Это видно изъ слѣдующаго документа, напечатаннаго въ Киев. Старинѣ (февр. 1904 г.)

«1804 году, генваря 28 дня, мы, нижеподписавшіеся Глуховского повѣта, мѣстечка Воронежа, церкви святія живоначальныя Троици прихожане дали сей контрактъ Глуховской ружной Анастасіевской церкви діакону Григорію Кулжинскому сакидону (?) въ томъ, что, избирая мы его на мѣсто умершаго нашего приходскаго священника Тимофѣя Яновскаго цѣлопарохіальнымъ священникомъ, имѣемъ, за рукоположеніемъ его, для житія его жъ опредѣлить церковной дворъ, въ которомъ строенія: хата съ комнатою, сѣньми и коморою, и при ономъ дворѣ огородъ, съ котораго противъ школьнаго строенія въ поперекъ для дьячка саженой на 10, да для больницы назначается, такъ какъ сіе теперь строеніе есть на три противъ того саженой.

А на содержаніе его производить ежегодно отъ дворянъ, казаковъ и владѣльческихъ крестьянъ грунтовыхъ отъ всякаго хозяина отъ сохи по одной мѣрѣ ржи, и отъ подсосѣдковъ по 10 к. деньгами. Сверхъ того, за требы установленныя, а именно: за сорокоусть шестинедельній 4 р., за великую панихиду по 10 к., за малую 5 к., за освященіе дому и воды 40 к., кладязя 20 к., за молебенъ съ акафистомъ 20 коп., безъ акафиста 10 к., за прочтеніе Евангелія за столпъ 50 к., за начало 10 к., за освященіе пасокъ по 1 к., за масло-святіе по 30 к., за молитву родильницы 5 к., за крещеніе младенцевъ по 10 к., за погребеніе взрослыхъ 20 к., а младенцевъ по 10 к., за вѣнчаніе въ своемъ приходѣ съ убогихъ людей по 50 коп., а въ другой приходъ получаютъ съ уваженія примѣрно, какъ взимается по другимъ здѣшнимъ приходамъ. Обязываясь притомъ исполнять по сему безъ малѣйшаго отъ насъ во всемъ удержанія и медлѣнности, и что онъ, Кулжинскій, пребудетъ тѣмъ доволенъ, въ томъ мы на и семь подписались, а для выполненія въ томъ-же дана намъ съ его подписомъ копія.

На подлѣнномъ тако». Слѣдуетъ длинный рядъ подписей прихожанъ, именитыхъ и неименитыхъ, Троицкой церкви м. Воронежа, среди которыхъ есть подпись: «примеръ-майора и кавалѣра Тимофѣя Хилчевскаго». Тимофѣй Хилчевскій, — говоритъ «Киев. Старина», — былъ послѣднимъ сотникомъ Воронежской сотни, и по уничтоженіи сотничества, надо полагать, переименованъ былъ въ «премьеръ майоры».

1804 года февраля 17 контрактъ этотъ представляемъ былъ въ повѣтовый земскій судъ, который и утверждаетъ его, взявши пошлины печатныхъ 50¹/₂ коп. и восковихъ 2 коп.

Затѣмъ въ концѣ контракта есть записъ самого Кулжинскаго, въ которой онъ даетъ обязательство, что будетъ строго выполнять требованія контракта.

Теперь населеніе причисляется къ тремъ сословіямъ: казацкому, крестьянскому и мѣщанскому. Казаки сохранили одно лишь названіе и рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ своихъ собратьевъ крестьянъ, — ни одеждой, ни языкомъ.

Верхней одеждой мужчинъ является «свита» т. е. кафтанъ, изъ домашняго сукна или схожая со свитой «черкасиновая казачка» изъ покупной фабричной матеріи. На ногахъ—,чоботы“ на головѣ—самодѣльный войлочный «шаламокъ» или купленная на ярмаркѣ у пріѣзжаго шапошника шапка; нижняя одежда холщевая, домашняго изготвления. Замужнія женщины любятъ носить бѣлыя свитки (юбки) изъ домашняго сукна, какія часто встрѣчаются у бѣлоруссовъ. «Дивчата» и «хлопці» болѣе требовательны къ своему наряду. Лѣтомъ «дивчата» носятъ «карсеты», т. е. короткую верхнюю одежду безъ рукавовъ, изъ фабричной матеріи; рукава холщевой или «коленкоровой» рубашки при этомъ роскошно вышиваются гладью или крестиками. Иногда «карсетъ» замѣняется кофтой, и тогда спереди непременно одѣвается бѣлый передникъ («хвартухъ»), повязанный краснымъ шерстянымъ поясомъ. Шея украшается многочисленными и разнообразными бусами («намистомъ»); на ногахъ башмаки («черевики») съ высокими каблуками. Зимой верхнимъ нарядомъ является «кожушанка», крытая сукномъ или бумажной матеріей.

«Хлопці» въ послѣднее время почти всѣ стали ходить въ пиджакахъ и брюкахъ («на выпускъ») («опинджачились»).

Благодаря близкому соприкосновенію съ великоруссами и бѣлоруссами, въ здѣшній малорусскій языкъ вошло немало великорусскихъ и малорусскихъ словъ. Главное отличіе говора**) малороссовъ Глуховскаго уѣзда отъ полтавско-чигиринскаго говора состоитъ въ замѣнѣ і звукомъ у,—напримѣръ, вмѣсто кітъ (котъ)—кутъ; вінъ (онъ)—вунъ; кінъ (конь)—кунъ и т. д.*) Особенности произношенія отчасти видны изъ тѣхъ пѣсень, образцы которыхъ я позволю себѣ здѣсь привести.

Пѣ с н и.

Несмотря на сильныя гоненія, которымъ подвергается современная народная пѣсня со стороны деревенской администраціи и духовенства, она попрежнему продолжаетъ играть значительную роль въ повседневномъ крестьянскомъ быту; какъ и въ старыя годы, пѣсней по преимуществу выражаетъ крестьянинъ свою радость и горе.

Вотъ нѣсколько пѣсень, трактующихъ главнымъ образомъ о взаимоотношеніи двухъ половъ:

Ой не ходи по надъ морью
Або въ море упадешь;
Ой не люби багатойі,
Або съ горя пропадешь.
Богатая-грибатая,

**) Въ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1854,24 помѣщена статья о черниговскихъ говорахъ, въ которой авторъ заявляетъ, будто бы «въ Воронежѣ говорятъ: куунъ, вууль, луужка и проч. „Воронежскій языкъ, составленный изъ такихъ особенностей произношенія, называется перевертенскимъ». Авторъ ошибается, передавая ясно произносимый звукъ У черезъ дифтонгъ; интересуясь мнѣніемъ академика А. И. Соболевскаго, я произносилъ ему нѣкоторыя слова, какъ произносятъ ихъ у насъ въ Воронежѣ, и онъ нашелъ, что въ словѣ, положимъ, «вунъ» слышится чистое У, а не дифтонгъ и, не двойное У. Интересующійся нашими мѣстными говорами можетъ найти о нихъ печатныя извѣстія въ «Жив. старинѣ», 1892 г. „Описаніе малорусскихъ говоровъ“ А. И. Соболевскаго. Считаю нужнымъ замѣтить тѣ что въ малорусскомъ текстѣ я держался, по возможности, правописанія установленнаго Г. П. Кулишомъ: Ы отсутствуетъ; И выговаривается тверже, чѣмъ въ русскомъ языкѣ и мягче чѣмъ Ы, напр., воли; і выговаривается мягко, напр. коні; Е обозначаетъ смягченное Е напр. великорусское денегъ и малорусское зилле.—

Да ще къ тому пишна,
А убогая хороша,
Якъ у саду вишня.
Багатою-грибатою
Верхи затикати,
А убогой—рабочею
Пшениченьку жати...

Сватавъ мене първий—
Пранцевати вельми.
Ти не дай, ти не дай стара мати за его,
Не вподобала младехенька его.
Сватавъ мене други—
Безъ коня, безъ пуги.
Ти не дай, ти не дай стара мати за его,
Не вподобала младехенька его *).
Сватавъ мене третій,—
Дожидались смерти.
Сватавъ мене четвертий,—
Не живи, не мертвій.
Сватавъ мене пятій,—
Пьяница проклятий!
Сваты мене шестій,—
Шельма шилохвости.
Сватавъ мене семи,—
Не хліба не соли.
Сватавъ мене восьми,—
Мали, не доросли.
Сватавъ мене девятій.
Носати, горбати.
Сватавъ мене десятій,—
Молодчикъ усати.
Ти отдай, ти отдай стара мати за его,—
А я вподобила младехенька его.

Въ нижеслѣдующей пѣснѣ проявляется наружу то недоброе чувство, которое возбуждаетъ къ себѣ свекровь:

Сажу рѣдьку, сажу рѣдьку,
Сажу поливаю,
Рости, рѣдька чепурненька,
На зиму сховаю.
Зроду рѣдьки не йла,
Кажуть, вона гурка;
Я въ свекрухи не була,
Кажуть, вона бойка.
Якъ пойду я до свекрухи
Білу постиль слати,—
Качалочка **)—въ головучку,
А рубли—пудъ боки.

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго куплета.

**) Качалка и рубель принадлежности хозяйства, предназначающіяся для катанія бѣлья.

Лежи, лежи, стара сука,
Бодай ти не встала
И щобъ моей голувоньки
Да й не клопотала...

Самый глубокий семейный разладъ, разумѣется, не рѣдкость въ деревенской семьѣ; этотъ разладъ отмѣчается въ слѣдующей пѣснѣ:

Чоловіку не любнику! Заховаю въ пригрубнику.
Буду верхъ затикать и на груди наступать.
Рѣдкою накадила, часникомъ поминала,
Таке житте изъ нимъ мала.
Живъ бувъ—не любила и умеръ не тужила.
И на лавці лежить,—я не буду тужить;
Хиба тоди затужу, якъ у гробъ положу.
Его въ ямку волочуть, въ мене слезы не течуть.
Черезъ милого яму, да на милого гляну...
Кивнула, моргнула, про милого вспоменула...

Распѣваетъ молодежь также злободневныя маленькія пѣсенки, очень похожія на великорусскія «частушки», но выгодно отличающіяся отъ нихъ и формой и содержаніемъ.

Чи ти сбився съ панталику
Нащо сватавъ не велику?
Було сватать у день,
Роспитаться въ людей.
Наши люде не татары,
Воны-бъ тоби розказали...

Чоловиче глуповати,
Нащо везешъ жинку продавати?
Самъ Богъ бачить зъ неба,
Що гроши на подати треба...

Въ конці гребли шумять верби,
Що я насадила.
Нема мого миленького,
Що я полюбила.
Нехай его ти люблять,
Що у труби трублять,
Нехай его ти просять,
Що гребли розносять.

Загадавъ мині мужъ,
Загадавъ чоловікъ:
Вари, баба, кашу!
Я по хаті пляшу, я по сіняхъ пляшу.
А я каши не варила
Чоловіка обдурила,
Вдарила, обдурила!
Приказавъ мині мужъ,
Приказавъ чоловікъ:
Вари, бабо, горохъ!
Я по хаті торохъ-торохъ, я по сіняхъ торохъ-торохъ!..
Я гороху не варила,
Чоловіка обдурила,
Вдарила, обдурила!..

Иди стари, иди дурний
Калину ломати.
А до мене бравий хлопець
Приде погуляти.
Иди дитя, иди мале,
Батька визирати;
А якъ буде батько ити—
Даси мені знати;
А я ляжу середъ хати
Да й буду стогнати,
А отъ мене бравый хлопець
Скорійше изъ хати.
Пришовъ стари, пришовъ дурни
Да и питае: «чого мила заболіла,
Чого тобі дати?»

Черезъ солдатъ и рабочихъ проникають сюда и великорусскія пѣсни;
вотъ въ какомъ видѣ распѣваются онѣ:

Вотъ полна, полна коробушка,
Есть ситець и перьча,
Пожалѣй моей зазнобушки
Молодцаго плеча (?)
Вижу въ полѣ рожъ високую,
Я всю ночку провожу.
Якъ завизжу чернооую,
Всѣ товари разложу.
Торгуй, мила, не скупись,
Ближе къ милому садись...

Въ нижеслѣдующей пѣснѣ наблюдается странная смѣсь мало-
русскихъ и великорусскихъ словъ, какой-то солдатскій жаргонъ:

Ой десь моя кралица
Пудъ шинкомъ валяетця...

Батько лаптями торгуе,
Ще й волока продае,
Синь по гулицямъ проходить
На гармошку виграе:
Гармонь моя, кришка старá!
Полтараста рублей стала...
Гармонь моя толстий басъ,
Подай милому отказъ.
Онъ отказъ не принималъ,
Раздушенькой узивалъ...

Въ ондо время распѣвалась слѣдующая пѣсня:

Ой ты Дуня, ой Дуняша
Не по правиламъ живьешь,—
Говорила любить будешь,
А теперъ замужь идешь.
Тутъ и рѣчка, тутъ и мостъ,
Тутъ хорошій перевозъ.
Что я свою Дуняшу
На рученькахъ перенесъ,
Перенесъ, перетащивъ
И...: незамочивъ.
Только сдѣлавъ одну шкodu,
Упустивъ башмакъ у воду.
Не жаль мині чулка,
А жаль мині башмачка.
Чулокъ батюшка купивъ,
Башмакъ милый подаривъ;
За то онъ подаривъ:
Почевать-ко мнѣ ходивъ,
За хватеру не плативъ....

«Обжинки».

И у насъ, какъ вездѣ, есть особья пѣсни, сопровождающія выдающіеся случаи крестьянской жизни, какъ-то: окончаніе жатвы («обжинки»), свадьбу, рождественскіе праздники, и т. д.

Это по большей части старинныя пѣсни, хранящія въ первобытной формѣ поэзію сельскаго земледѣльческаго быта. Вотъ, напримеръ, пѣсни сопровождающія жатву. «Жнива» начинаются послѣ праздника Петра и Павла и оканчиваются, приблизительно, во второй половинѣ іюля. То и дѣло село оглашается протяжными пѣснями; это возвращающіеся съ поля жнецы празднуютъ «обжинки», т. е. окончаніе жатвы. Небогатые крестьяне, впрочемъ, совершаютъ «обжинки» часто безъ пѣсенъ,—глава семьи, дождавъ послѣдній снопокъ, свяжетъ изъ него крестъ, («обжинокъ») такъ, чтобы съ трехъ сторонъ креста были колосья, и тихо идетъ домой положить послѣдній снопокъ подъ иконы. Гораздо шумнѣе и торжественнѣе «обжинки» въ богатыхъ семьяхъ, нанимающихъ много работниковъ и работницъ. Еще съ утра въ день «обжинокъ» въ домѣ кипитъ работа; топятъ

печь и готовятъ роскошный ужинъ: борщъ съ поросятиной, жареный поросенокъ, вареники, налистники (блинчики) и т. д. Кончивъ жатву, толпа жнецовъ направляется съ поля къ хозяйскому дому; впереди идущая дѣвушка несетъ «обжинокъ», а гурьба жнецовъ дружно распѣваетъ слѣдующія пѣсни:

Очиняй, пане, ворота:
Йде твоя пѣхота!..
Ой паночку нашъ,
Обжиночокъ вашъ..
Очиняй, пане, хату
Давай женцямъ плату!
Ой паночку нашъ
Обжиночокъ вашъ!..

Дожинаемъ до межи,
Пироги вже ўдижи,
Богъ ёму давъ,
Шо жито дожавъ... Гу-у-у!..

Шо въ нашего пана
Голова кудрява,
Ой кудрява, кучерява..
Вунъ кудрями потрясе,
Намъ гарілки пуднесе..
Шо мы своему пану
Нарядимо славу,
Нарядимо пану славу... Гу-у-у!..
И жито пожали,
Въ снопи повязали,
Поставили копки
Да взарили гопки..
Нарядимо пану славу!..

Наша паня домуе,
Вечеряти готуе
Наша паня дома,
Вечера готова.
Чуй, пане, чуй
Вечерять готуй;
А якъ не готова,
И не седи дома,
А якъ готовенька—
Седи веселенька..
Наша паня велика,
Зарубала индика.
Наша паня маленька—
Зарубала воробейка.. Гу-у-у!..

Шо Ганночка дівка по дворику ходыть,
По дворику ходить въ рукахъ ключики носить.
Скрини одмигае, скатерти вимае.
Ой паночку нашъ, обжиночекъ вашъ. Гу-у-у!
Скатерти вимае, столи застилае.

Столы застилає, женців привитає
Столи тисовии, женці молодии
Ой паночку нашъ, обжиночокъ вашъ. Гу-у-у!..

Дойізваємъ до села,
Наше село весело!
Ой весело наше село
Ой весело, весело...
Медъ, гарілку веземо
И медъ и гарілку,
И Ганночку дівку... Гу-у-у!..

Ой чіе то поле
Задримало стоя,
Ой паноньку нашъ
Обжиночокъ вашъ. Гу-у-у!
Закурчино поле
Задремало стоя.
Ой паноньку нашъ,
Обжиночокъ вашъ. Гу-у-у!..
Головенкове поле

Веселиться стоя.
При сонечку спали,
При місяцю жали.
Женці все старіи,
Серпи лубяніи.
При місяцю жали.
Серпи поламали,
Ой паноньку нашъ,
Обжиночокъ вашъ. Гу-у-у!..

Ой чія то борода *) да не виполона!
Стоить козелъ на межи,
Дивується бороді:
Ой диво мині,
Шо сий бороди!..
Паукова борода
Мачулою обшита.
Ой диво мині,
Шо сий бороди!..

Войдя въ домъ, дѣвушка несущая «обжинокъ», говорить:
— Кланяюсь вамъ хлѣбомъ, солью!
И кладетъ «обжинокъ» на хлѣбъ, на «покутъ» (красный уголь).
Всѣ садятся за столъ и «вечеряють»...
Я не упомянулъ еще, что въ первый день жатвы хозяинъ при-
носитъ съ поля снопъ ржи и ставитъ его на «покуті»: онъ стоитъ
тамъ до тѣхъ поръ, пока не начнутъ свозить на гумно сжатый
хлѣбъ; тогда первый снопъ кладутъ подъ самый низъ.

Свадьба.

Кончилась страдная пора. Наступила осень. Стали на селѣ
свадьбы «справлять». Паробокъ, задумавшій жениться, приготовляетъ

*) «Бородой» называется кустъ ржи, оставляемый въ полѣ женцами; этотъ кустъ
перевязываютъ красной лентой, тщательно кругомъ него выпальваютъ сорную траву и
кладутъ въ него кусокъ хлѣба.

къ извѣстному дню хлѣбъ, бутылку «гарілки» и, пригласивъ двухъ или трехъ «старостовъ», отправляется въ домъ невѣсты «свататься». Бываетъ и такъ, что прежде «старостовъ» засылается къ родителямъ невѣсты «баба» для развѣдокъ и переговоровъ; впрочемъ, осторожные люди стараются избѣгнуть этого, говоря:

— Если баба засватае, то не буде талану...

Когда сваты войдутъ въ домъ невѣсты, то останавливаются около порога, стараясь не перейти «сволока», т. е. перекладины на серединѣ потолка; несоблюденіе послѣдняго условія служить дурной примѣтой: не будетъ ладу въ домѣ жениха.

Обычай требуетъ выполнить также слѣдующее условіе: одинъ изъ сватовъ долженъ сѣсть подлѣ невѣсты и придавить край ея одежды. Не теряя времени, «старосты» начинаютъ уговаривать невѣсту и ея родителей не пренебречь женихомъ.

— Нашъ парень добрый,—говорятъ они примѣрно,—трудяга, хозяинъ, да и богатенькій таки... Занимается вунъ пахарствомъ, одначе, и бондарство знае, чи старе набить, чи нове зробиць. А гаріилки вочсе не пѣе. Уже якъ за его не йти замужь, то лучшего и не знайдешь...

Получивъ согласіе невѣсты и ея родителей, всѣ начинаютъ пить «гарілку», сперва женихову, а потомъ невѣстину. Въ заключеніе обмѣниваются хлѣбами и договариваются на счетъ приданого и подарковъ. Въ этотъ вечеръ совершается окончательный уговоръ, ничто не остается не выясненнымъ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней отецъ жениха отправляется къ пону договариваться относительно вѣнчанья и дарить ему курицу или пѣтуха.

Наканунѣ вѣнчанья «друзьки» убираютъ цвѣтами голову невѣсты, послѣ чего («молода») идетъ вмѣстѣ съ ними по селу звать на «весилье» родныхъ и знакомыхъ. Съ кѣмъ бы ни встрѣтилась невѣста, она останавливается, три раза почтительно кланяется (въ поясъ) и говоритъ:

— Просили батько и мати и я прошу покорно: приходьте до насъ на свадьбу!.. Не оставте моей просьбы. Прошу покорно!..

Идя по селу, «друзьки», сопровождающія «молоду» поютъ:

Перва квітка, то Грицько (имя жениха),
Ой попе, попе Гордію,
Не звони рано въ неділю;
Зазвони рано въ субботу,
Перебій дружечкамъ роботу.

Перва квітка,—то Пронечка (имя невѣсты).
Рядомъ, дружечки, рядочкомъ.
Въ вишневомъ садочку
Вирвали квіточку зелененьку,
Нарядили Пронечку молоденьку. Гу-у-у...

Перва квіточка, то Марьяночка.
Не дуй вітеръ въ полі (2 раза)
Подуй по дуброві,
Роздуй мою косу
По червоному поясу. Гу-у-у...

Перва квітка, то Марочко.
Шо въ городі шевлія,
Остална моя неділя.
Я по гулочкамъ ходила,
Съ собою дружечокъ водила. Гу-у-у...

Перва квітка, то Машечка.
Ой мати, мати старая,
Чи ходила ти до торгу
Чи купила ты китайки?
Застилай столи и лавки,
Идуть дружечки панянки. Гу-у-у!

Перва квітка, то Парасочка.
Не дуй вітеръ въ полі на насъ,
Вийди, матюно, противъ насъ.
Не вознала мати своего дитяти
По мижъ дружечками, да за слезочками. Гу-у-у.

Перва квітка, то Настечка.
Теперь година не тая,
Доруженька слизкая,
Въ Глухові ярмалокъ,
Треба Настечки серпанекъ (башмаки),
Золотіе пудковки,
Пудъ червоні чоботки;
Шобъ подкувоньки брязчали,
А вороженьки мовчали... Гу-у-у!..

Перва квітка, то Катречка.
Не дуй, вітре, въ полі,
Шо братъ за сестрою въ погоні.
—Ой зятю, зятю молоди,
На тобі, коника въ седлі,
Дай мині сестрицю въ косі!
—Я тобі, шурино, ще два дамъ,
Назадъ сестриці не оддамъ. Гу-у-у!..

Въ послѣдней пѣсенкѣ слышатся отголоски далекаго прошлаго, когда женихъ тайкомъ похищаль («умыкаль») свою «молодую».

Обойдя всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, «молода» возвращается домой и садится за столъ, «на покуті» подъ образами, возлѣ нея усаживается «старша дружка», а за нею рядышкомъ всѣ остальные. Черезъ нѣкоторое время является женихъ съ «бояриномъ» и подноситъ невѣстѣ башмаки,—одинъ наполненный житомъ, другой—орѣхами; она беретъ сначала одинъ, потомъ другой, при этомъ она долго колеблется — который взять? Если попадется сначала съ житомъ, жизнь будетъ богатая и хорошая, если съ орѣхами — бѣдная и нескладная. Затѣмъ женихъ садится рядомъ съ невѣстой. Иногда женихъ замѣшкается почему-либо, тогда дружки поють въ ожиданіи его:

Ой ви, бояре бѣлозероньки,
Ясніе соколоньки,
Чого ви до насъ (2 раза)
Не рано прійіхали?
Запознивъ же насъ
Забаривъ же насъ
Да Гавриловъ батенька;
Бунъ насъ напоивъ, накормивъ
И доруженьку вказавъ,
Доруженьку великую,
По Мелашечку вродливую (красивую).

Шо пузенько, нераненько
Ище не світає
Шо Гаврило кониченька сідлає,
Сідлаючи, тяжко-важко вздыхає.
Прійшовъ къ ёму рудний братикъ да і питає:
— Нашо, братикъ, кониченька ты сідлаєшь?
Сідлаючи тяжко-важко вздыхаєшь?
— Сідлаю я кониченька не твого, а свого,
Вздыхаю тяжко-важко самъ знаю отчого...
Пойду я въ доруженьку не такую,
Да привезу Мелашечку молодую...

При входѣ жениха съ боярами въ хату, друзьки поють:

Не наступайте бояре
Да на наши сінечки нови,
Да не ви сінечки робили,
Да не ви медъ-вино ситили,
Да не вамъ медъ-вино попиту,
Не вамъ Марусю любити.

До мене, бояре, до мене,
Убивъ батенько тетеру,
Зварила матюнка вечеру:
Сизи голубці у перці,
А до мене, бояре, молодці!..

Когда бояре и женихъ усядутся за столъ, друзьки слегка подсмѣиваются надъ ними въ слѣдующихъ пѣсняхъ:

Стенулися сіни
Якъ бояре сіли,
Ще не такъ степенутся,
Якъ меду напьются.

Стенулися чашки,
Якъ посіли свашки;
Ще не такъ степенутся,
Якъ меду напьются.

Стенулися стінки,
Якъ посіли світилки,
Ще не такъ стенутця,
Якъ меду напыотця.

Собраніє въ этотъ день заканчивается «вечерей», послѣ чего всѣ расходятся по домамъ.

На слѣдующій день (это бываетъ обыкновенно въ воскресенье) рано утромъ дружки собираются къ «молодой», гдѣ свахи дѣлають обширныя приготовленія къ брачному торжеству: варять обѣдъ, запасаются «горілкою» и т. д. Дружки убирають невѣсту въ цвѣты, дружковъ перевязываютъ «рушниками», свахъ платками; наконецъ берутъ саблю и украшаютъ ее цвѣтами... Зазвонятъ къ обѣднѣ и «молодіи» идутъ въ церковь вѣнчаться.

Повѣнчавшись, «молода» идетъ впереди, за ней слѣдуютъ дружки съ пѣснями; черезъ нѣкоторое время идетъ и «молоди», сопровождаемый нанятыми музыкантами.

Дружки поють:

Перва квітка, то Павло (имя жениха).
Отступитесь вороги
Отъ широкой дороги.
Отступитесь отъ дворця, —
Иде молода одъ вінця. Гу-у-у...

Перва квітка, то Василь.
Стояла Мотечка пудъ вінцемъ,
Чесала кусоньку гребенцемъ.
Упавъ гребенець пудъ столець,
Подай Василько гребенець.
Я жъ тобі, Мотечка, не вдовець
Шобъ подавать тобі гребенець,
А есть у тебе дружечки,
Сами вірни служечки. Гу-у-у...

Перва квітка, то Денись.
Микольщане дівки
До церкви ходили,
Попа обманили:
Три шеляга дали
Галечку обвінчали. Гу-у-у...

Перва квітка, то Миколай.
Вийди, матюнко, съ калачемъ,
Повінчали доченьку съ паничемъ,
Хоть не зъ паничемъ—съ козакомъ,
Связали рученьки рушникомъ. Гу-у-у...

При входѣ въ хату дружки поють:

Перва квітка, то Петро.
Вийди, матюнко, зъ вікомъ (2 раза).
Стрѣчать своихъ дітокъ.

Перве наряжене,
А друге ослужене. Гу-у-у...

На порогѣ жилища невѣсты, «молодыхъ» встрѣчаетъ отецъ и мать невѣсты; мать держитъ въ рукахъ («пикну дѣжку»), т. е. кадку, въ которой готовится тѣсто для хлѣба; на крышкѣ лежитъ хлѣбъ съ солью.

«Молода» съ «друзьями» садится за столъ, а «молоди» стоитъ посреди хаты, — онъ долженъ выкупить у братьевъ свою молодую, которые окружили ее.

— Чого ви тутъ посіли, — говорятъ друзья, обращаясь къ братьямъ, — попроганять йихъ!

А братья отвѣчаютъ:

— Намъ треба, ми продаемо свою сестру, а ви купляйте!

— Скільки жъ вамъ? — спрашиваетъ женихъ.

— Хоть рублей сто дайте!

— Эге, се богато буде!

Наконецъ, сходятся на 2-хъ или 3-хъ рубляхъ и начинаютъ пить «могоричь».

Во время купли-продажи друзья поютъ:

Пошовъ братикъ яромъ,
Продавъ сестру даромъ,
Не даромъ, за гроши,
Аби зять хороши.

Братику да невѣсточкинъ
Сядь собі да на крислечку;
Не продавай сестри за рубъ, за чотири,
За два золоті:
Гроши якъ полова,
Сестра черноброва.

Послѣ продажи сестры друзья продаютъ цвѣтокъ жениху, такъ же торгуясь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ; при этомъ поютъ:

Якъ була я швачка,
Отеческа дочка,
У Кієви бувала,
Иголки купувала,
Квіточки пришивала,
По сто рублей брала...

«Молоди» усаживаются рядомъ за столъ; друзья подносятъ дѣвушкамъ — друзьямъ пряники и конфекты, а «родичамъ» по одному большому прянику.

Друзья поютъ, пронизируя:

Ми думали, шо свати багати,
Ажъ вони скуповати.
По шляху ходили
Старцювъ *) розбивали.
Усі сумки стрясли,

*) Нищихъ.

Одинъ бубликъ знайшли
И той разломали,
Дружкамъ даровали.

Въ это время подаютъ обѣдать. Всѣ при этомъ обильно угощаются «горілкою». Послѣ обѣда «музыка» играетъ «козачка» и всѣ желающіе танцуютъ. Веселье продолжается до поздняго вечера.

Какъ за столомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, въ этотъ день дѣвушки распѣваютъ много свадебныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ многія дышатъ безыскусственной поэзіей и глубокимъ искреннимъ чувствомъ.

Хоть велики дворъ,
Хоть увесь избуръ,
Да не вся родинонька.
Нема родини на половину,
Не рудного батенька,
Не рудной матюнки,
Може родина ще прибуде,
Но матюнки й батенька не буде.

Посилай, Мотечка, въ садъ соловейка

По рудного батенька,
А зазуленьку на укроменьку
По родную матюнку.

Ще соловейко не долетае,
Батюнку промовляе:

— Чого, соловейко, чого маленьки,
За екими послами?

— Отъ твого дитяти

Тебе питати, шобъ порядочокъ дати.

— Радъ бы я встати, порядокъ дати,
Да неволенька моя:

Сирая земля груди налегла;

Зелени моругъ очи налюгъ,

Никуди проглянути,

Ищемилися карі оченьки и білы рученьки,
Нельзя мині встати.

Світилка *) шпилька при стени,

Да на юй сорочка не ййі.

На юй сорочка сестрина,

Виведить ййі з-за стола!

Брешете дружечки ягъ свині,

У мене сорочокъ три скрині,

Ййхъ матюнка надбала,

Въ світилочки послала!..

*) Світилка—одна изъ подругъ молодой, распорядительница.

Достається оть неугомонныхъ дѣвушекъ и «боярамъ», распоряжающимся на свадьбѣ:

Бояринъ якъ болванъ,
Витрецивъ очи, якъ баранъ,
Да все горошитця,
На дружокъ дивитця.

На старшумъ боярині кахтанъ,
Соломою половою напханъ,
Очи въ клоччі,
Голова—въ пирьі, нусъ у реминні.
Соломою борода спита,
Обручомъ голова сбита,
Лучкомъ пудперезався,
На весилле прибрався.

Дѣвушки подруги заставляють задуматься невѣсту надъ своимъ будущимъ:

Ты думай—гадай, дівка Галечко,
Кому служечка будешь?
—Буду служечка, буду вірная
Свекру, не батеньку;
Буду годити, діло робити,
Свекрусі, не матюнки,
Буду годити, діло робити
Диверку, не братику.
Буду годити, діло робити,
Зовиці, не сестриці.
Буду свекорку білу постіль слати,
А свекрусі головку скати.
Буду диверку шириночку шити,
Зовиці косу плести.

Въ слѣдующей «приспівкѣ» намѣчается семейная идиллія:

Седить Парася пудъ кужулкою;
Сонъ ййі намагае,
А коло ййі Гаврилко ййі
Усе ййі розважае:
—У тебе, Параско, біле личенько,
У мене що білійше.
У тебе, Параско, чорни брувоньки,
У мене ще чорнійши.
У тебе, Параско, вірне словечко,
У мене ще вірнійше...

Думая-гадаю о будущемъ, невѣста груститьъ объ оставляемой
дѣвичьей долѣ и сравниваетъ себя съ одинокой «зазулей» (кукушкой).

Летять галочки въ три рядочки,
Зазуленька попереду.
Усі галочки на лузі сіли,
А зазуля на калині.
Усі галочки защебетали,
Зазуля закуковала.
— Чого ты куешь, по кумъ тоскуешь,
Сизая зазуленька?
Чи жалько тобі темного лугу,
Чи вишневого саду?
— Не жалько міні темного лугу,
Не вишневого саду,
А жалько міні туй туполі,
Що росте въ чистому полі;
Де я не летаю, де я буваю,
На туполі спочиваю;
Де я смочуся, де я оброшуся,
На туполі обсушуся.
Ийшли дружечки у три рядочки,
Ганночка по переду.
Усі дружечки за студи сіли,
Ганночка на покуті.
Усі дружечки заспівали,
Ганночка заплакала.
— Чого ты плачешь? Объ кумъ тоскуешь,
Молодая Ганночко?
Чи жалько тобі батенька свого,
Чи подвурьечка ёго?
— Не жалько міні батенька мого,
Не подвурьечка ёго:
А жалько міні русой косы,
Ще й дівочой красы..
Дивчата идуть, кўсками мають,
А мене не примають.
Хоть примають, хоть не примають,
А правдоньки не скажуть,
Скажуть словечко, скажуть друге,
И тее не вірнее.

Шо за горою, за каменною
Криниченька зъ водою.
Тамъ Машечка рученьки мила,
Съ батенькомъ говорила:
— «Захочай ты мене, муй батенько,
За каменную гору».
— «Заховаю я тебе, дитятко мое,
За тесовіи столи».
— «Обсади мене, батенько, вишнями черешнями!»
— «Обсажу тебе, дитятко мое, молодими дружечками!»

Обставлю тебе, дитятко мое, новими кубочками.
Бери, Машечка, повни кубочокъ,
Частуй своихъ дружочокъ».
Машечка встала, грозно отказала:
— «Уже я частувала!
За жалостями за великими,
За слюзоньками, за дробненькими,
Батенька не вознала!»

Частуй мене, муй батенько,
Я гость у тебе.
Исправь мині увесь нарядъ,
Я пойду отъ тебе.
— Еки тобі, дитя мое, дороги нарядъ?
— Червоную да запаску съ бахрами,
Жемчужнее намістечко съ хрестами,
Сафьянійі башмачки пудъ гашлички.
— Нашо тобі, дитя, мое дороги нарядъ?
Якъ удасця твуй мили да ревниви,
Не дасть тобі хорошенько походити,
Дорогого нарядочку поносити.
Черевички пудъ гашлички пиломъ припадуть,
Одъ червоной одъ запаски бахромѣ спадуть,
Жемчужнее намістечко зовички порвуть!..

Еки да теперъ світъ наставъ, да ще година,
Шо батькова дитина да не мила,
Висилае йійі въ прочки противъ ночки,
Да не дае проводничка не братіка,
Да не дае проводничка не сестрички:
— На шо тобѣ, дитя мое, да проводничокъ,
Коло тебе Гаврико, якъ молодичокъ!..

Покидая навсегда родную хату, родную семью, любящаго отца
и ласковую мать, дѣвушка съ грустью заглядываетъ въ неизвѣст-
ное будущее, оплакиваетъ промелькнувшіе, какъ сонъ, дѣвичьи годы
и общается птицей «галочкой» прилетать съ чужой стороны...

Мати Ганночку замужъ оддае
На чужу сторуночку.
Оддаючи приказувала, щобъ у гостяхъ не бувала.
Я до тебе, моя матюнка, не приду, не прійіду,
Я до тебе, моя рудная, галочкою прилечу.
Ой сяду упаду на зеленой вишеньки,
Буду ковати промовляти, щобъ не взнала мати.
Моя матюнка по садочку ходитъ, ще зъ моимъ братикомъ.
А вже муй братикъ ружечко заряжае,
Моя матюнка стихенька промовляє:
— Не бій, сыночку, да сюей галочки,
Бо сюей галочці якъ моей дочці
На чужуй сторунці!..

Матюнько моя и голубонько,
Роскошовала я въ тебе!..
Роскошовала и погуляла моя кўсонька у тебе,
Гуляти я йду, гуляти я йду,
Я въ тебе не прошусь;

Съ гуляньчечка йду, подружокъ веду,
Тебе не боюсь.

Я на хвурточку, ти въ кватирочку,
Я въ сїнечки, ти на дверечки:

— Чому, доню, не гуляла?

Я въ свїтилоньку, ты за свїчечку;

— Садись, доню, вечеряти!

Батькова вечера съ перцемъ печена,

Тихая размувонька;

А въ свекорка суха скориночка

Слезами размочена..

Колибъ я знала, або відала,

Шо въ батенька не буду,

Не робила-бъ я, не ковала-бъ я

Золотого перстенька.

Поробила-бъ я, заказала-бъ я

Золотий крыльчечка,

Полетїла-бъ я, одвідала-бъ я

Чужой сторуноньки;

Не такъ сторуноньки дальнїй

Якъ чужого батенька;

Чи вунъ же добри, чи добровольни,

Чи таки, якъ муй рудни?

У мого батюнки крутий гори,

Да гуляти доволї,

А въ свекорка усюди румно,

А гуляти не вульно.

Уровняй, Боже, гори—долини,

Шобъ було равнесенько,

Шобъ одъ свекора да до батенька

Ходити близесенько..

Я уже сказалъ, что «весїлле», т. е. музыка и танцы, продолжается въ домѣ «молодой» до вечера; а вечеромъ здѣсь происходитъ особо торжественная церемонїя: «дѣлежъ коровай». «Молода» сажаетъ родныхъ и «дружокъ» за столъ «на покуть»; родныхъ ближе къ образамъ, чужихъ дальше. Два «дружка», перевязанные черезъ плечо вышитыми полотенцами, начинаютъ дѣлить коровай,—большой пшеничный хлѣбъ, сверху украшенный слѣпленными изъ тѣста птичками. Одинъ дружокъ рѣжетъ, другой подноситъ ломти коровай гостямъ.

Дружокъ беретъ коровай въ руки, несетъ его къ дверямъ и говоритъ, обращаясь къ почетному гостю, играющему роль старосты:

— Староста, полистароста!

— А що голубе!

— Благослови сей хлѣбъ на мїръ хрещени роздать!

— Богъ благословить!

- Другимъ разомъ!
- Богъ благословить!
- Въ третій разъ!
- Богъ благословить!

— Ну, Господи благослови! говоритъ въ заключеніе дружкó и начинаетъ «дѣлить коровай»; другой дружкó подноситъ гостямъ ломти коровай, тѣ берутъ и дарятъ молодой деньги или обѣщаютъ скотинку или мѣру—другую зерна.

— Василь Бурдюгъ подаровавъ мірку жита!—громко объявляетъ дружкó, обращаясь къ «молодой» и записываетъ подарокъ на «комені».

Въ это время дѣвушки—дружки поютъ шутливыя «приспѣвки» въ которыхъ нерѣдко ядовито подсмѣиваются надъ распоряджающимися на свадьбѣ «боярами»:

Вамъ бояре не бояровати,
Вамъ бояре да свиней пасти,
Зъ великою да ломакою,
Съ сивою да собакою,
Гроши заробляти,
Квітку викупляти!..

Чи не бачишь ти, дружко,
Шо бояре коровай крадуть?
То въ мнѣхъ, то въ кишеню
Дівкамъ па вечеру;
То въ мнѣхъ да въ рукавички,
Дівчатамъ на вечернички...

Чи не бачишь ти, дружко,
Шо да твоя жона робить:
По семеро да дітей водить,
Усе съ кошелями,
Увесь коровай забрали...

Стоящіе далеко отъ стола кричатъ дружку:

Дружко руди!
Неси коровай, сюди!
Дружко усъ надувъ,
Про насъ забудь...

Передъ отъѣздомъ «молодой» въ домъ къ своему «молодому» поются слѣдующія послѣднія пѣсни:

Старшая дружечка! поглянь у воконечко,
Чи пузно, чи рано?
—Ще рано, ранесенько,

Ще вечурняя зоря не взийшла,
Ще дівка Параска отъ батька не одийшла.

Шой у лузі калиночка изъ вітками,
Прощалася Парасочка изъ дівками.
— Прощай, прощай, Параска, сестра наша!
Теперь ми да не твой, ти не наша...
Теперь ты того пана, съ кимъ гуляла!..

Въ оставшуюся отъ корова я нижною корку напихиваютъ мѣд-
ныхъ монетъ и отдають ее музыкантамъ, которые, проводивъ не-
вѣсту изъ хаты, уходятъ домой; дѣвушки-подруги, сопровожда-
я «молоду» въ домъ жениха, поють слѣдующіе «приспѣвки»:

Плавала чашечка по меду,
Плакала Палажечка по роду.
Лучше бъ було намъ не знатця,
Якъ намъ съ тобою растрятця.
Такъ якъ рибочка зъ водою,
Такъ намъ Палажка зъ тобою!.. Гу-у-у!..

Мнисець дорогу просвітивъ,
Братець сестричку проводивъ,
И воручечка очинивъ,
И доруженьку указавъ.
— Осе тобі, сестриця, дорога,
Йїдь одъ батенька здорова.
Ой будь здорова якъ вода,
Ой будь богата якъ земля,
Ой будь красная якъ весна. Гу-у-у!..

Сядись Параско, на вози,
Покидай батькови нарови;
Шо первій нарувъ-батькувъ двурь,
А други нарувъ—жениханне,
А третій нарувъ—вечорнички,
Пойїзжай, Параско, въ молодички. Гу-у-у!..

При входѣ «молодихъ» въ хату «молодого», ихъ встрѣчаетъ на
порогѣ мать «молодого» съ хлѣбомъ и солью въ рукахъ. Они входятъ
въ хату, кланяются и садятся за столъ. Здѣсь давно уже поджи-
даютъ ихъ «баби», сосѣдки и родственницы, которыя сейчасъ же
запѣвають:

Прилетіла да тетеренька,
Не вчѣра да теперенька,
Туть вона сіла, впала,
Господиня встала.
Не кишкайте, не полохайте,

Тутъ йійі да принажувайте,
По головці да приглажувайте,
Пшо́на пудсипайте, воды пудливайте!..

Прилетіла сорока че-че-че,
Сіла на колочку, щибече,
— Дать тобі йісточки?
— Ніть не хочу!
— Дать тобі питочки?
— Ніть не хочу,
Очинить кому́рнюку:
Спать полечу:..

Послѣ этого всѣ («вечерають»), пьють гарілку и расходѣтсѣ до
дома́мъ; а («молодіи») идуть спать «у ко́мору» (клѣ́тъ).

На друго́й день, утрома́мъ, дру́жки принося́тъ («молоды́мъ») «снѣданне»: булки, «холодне», жареную курицу и т. п.; по доро́гѣ дру́жки пою́тъ:

Дежъ твоя, Оксеню, кита́йка,
Шо ты привезла отъ ба́тька?
Простели йійі по столу,
Свои́мъ дру́жечкамъ на хвалу. Гу-у-у!..

Скучила, Оксеня, скучила,
Уко́морі седючи,
Свои́хъ дру́жечокъ дожидаючи. Гу-у-у!..

Дежъ тебе, Мотречко, шукати,
Чи въ шевлі́йі, чи въ лободі,
Чи зъ лебе́дями на воді?
Ой чи въ зелену́й дуброві,
Чи у све́орка въ ко́морі.? Гу-у-у!..

Дежъ ты, Одарко, бувала,
Шо иніе́мъ голуво́нька припала?
— Була, дру́жечки, у доро́зі,
На вели́кому морозі,
Поку́ль води́ці набрала,
Иніе́мъ голуво́нька припала. Гу-у-у!..

Молодая веде́тъ дру́жокъ въ ко́мору и угощае́тъ ихъ. Въ это́тъ
день съ утра у молодого на дво́рѣ на висо́комъ шестѣ выбро́сывается
красный фла́гъ, въ знакъ того, что невѣ́ста оказа́лась чистой и
невинной; отсутствіе фла́га сви́дѣтельствуетъ о противно́мъ. Нужно
замѣ́тить, что эксперти́зу произво́дятъ «стари ба́би»...

Послѣ угощенія дружки веселятся, танцюють и поють:

Шо въ нашего свата
Усего багато:
И дровъ не поліна,
Смиття по коліна! Гу-у-у..

Шо въ нашего свата,
Капуста рядами,
Буряки кадовбами,
Йли кашу не соленую,
Пили воду не холодную!.. Гу-у!..

Молодая привязываетъ красныя ленточки въ петлицы всѣмъ приходящимъ.

Черезъ нѣсколько часовъ являются «баби» и ведутъ «молодую» въ церковь «скрывать». Священнику при этомъ дарятъ хлѣбъ и платокъ; священникъ, накрываетъ «молодую» кускомъ полотна и и что-то читаетъ. Въ этомъ и состоитъ странный обрядъ «скриванія».

Изъ церкви «баби» возвращаются съ веселыми пѣснями:

А ми були у Бога,
Молилися Богу
И Духу Святому,
Попу молодому!..

Посію я пшениченьку,
Стану на межі.
Прилетала орлиця
Твоя и моя

Продавала баба рака
По два шага...
Ой, раче, раче,
Шо по тобі баба плаче...

Пожену я корувоньки до череди,
Сама буду гуляти до середи!..
Да гуляйте, братці, гуляйте,
За моею рудною сестрою,
Да за ййї русою косою,
А въ ййї кусоньки не мае,
Вся ййї родня гуляе...

Вигребай мати жарь, жарь,
Коли тобі дочки жаль, жаль,
Укидай у пічъ дрова,
Оставайся здорова!..

Въ этотъ день «весилле» происходитъ въ домѣ молодого; обычно оно бываетъ особенно шумнымъ, сравнительно съ другими моментами свадьбы. Нѣсколько «бабъ» относятъ роднымъ «молодой» въ ихъ домъ пирожки и жареную курицу; тамъ это дѣлятъ на всѣхъ, гуляютъ, танцуютъ, пьютъ «гарилку». Къ вечеру «молода» ходитъ вмѣстѣ съ сестрою по селу и приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ «на коровай» къ «молодому». Вечеромъ, здѣсь дѣлятъ коровай такъ же, какъ и у «молодой», съ тою только разницей, что за столомъ сидятъ уже не «друзьки», а «бабы».

На третій день къ молодымъ прѣзжаютъ знакомые, наряженные цыганами; отсюда они отправляются («по людяхъ») и выпрашиваютъ сало, пашню (т. е. розж гречиху, овесъ и т. д.). Къ вечеру они продаютъ собранное, покупаютъ «гарилку» и кутятъ цѣлую ночь, причемъ на блинахъ нацѣвываютъ на головы другъ другу горшки и разбиваютъ ихъ... Такъ заканчивается свадьба.

Въ слѣдующіе дни «молода» ѣздитъ къ знакомымъ и собираетъ подарки, пообѣщанные «на коровай»...

Крестины.

Крещеніе ребенка также сопровождается особыми обрядами и пѣснями. Какъ только ребенокъ родится, баба идетъ къ попу и несетъ ему «четвертку гарилки», пѣтуха, хлѣбъ и 10 коп. денегъ за молитву. Хозяинъ приглашаетъ кума и куму, и они несутъ новорожденнаго крестить къ попу и опять преподносятъ ему хлѣбъ и «четвертку гарилки»; послѣ крещенія кумъ и кума снова кладутъ батюшкѣ копѣекъ по 30 или 50. Въ большинствѣ семей, когда выносятъ новорожденнаго изъ избы (передъ крещеніемъ), то на порогъ кладутъ топоръ, а кумъ даютъ въ руки кусокъ «печины» (кирпича), чтобы она бросила ее, когда выйдетъ на дворъ. Принеся окрещеннаго ребенка домой, кладутъ его «на покуті», на разостланномъ кожухѣ.

Когда ребенокъ полежитъ нѣкоторое время, приходитъ мать и уноситъ его; затѣмъ, всѣ гости садятся за столъ и, пообѣдавъ и выпивъ «горилки», поютъ пѣсни въ честь кумы, кума, бабуся (повитухи) и др.:

Запряжемъ, запряжемъ коня вороного,
Одвеземъ, одвеземъ кума молодого.
Запряжемъ, запряжемъ кобилу рябую,
Одвеземъ, одвеземъ куму молодую.

Наша бабусенька, наша старесенька,
Да не пишна була,
Да сама жъ вона, да сама жъ вона,
Въ господу пришла.
Запряжемъ, запряжемъ тринадцать волувъ,
Одвеземъ, одвеземъ бабусю домой...

Колядки и щедрівки.

Зимній сезонъ богаче празднивами и пѣснями, чѣмъ страдныя лѣтніе дни. Послѣ предрождественскаго поста, такъ называемой «пилиповки», начинаются «веселыя» и торжественныя рождественскія святки. Наканунѣ Рождества дѣвушки и подростки колядуютъ, подъ новый годъ—щедруютъ. Глубокой, сѣдой стариной вѣетъ отъ этихъ колядокъ и щедривокъ. Многія изъ нихъ возникли еще въ дни удѣльно-вѣчевого періода и носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды той эпохи.

О щедрівкахъ и колядкахъ, мѣстечка Воронежа, описываемаго мною, въ свое время говорилъ П. А. Кулішъ, въ своихъ «Запискахъ о южной Руси».

Въ сборникѣ Антоновича и Драгоманова «Историческія пѣсни Малорусскаго народа» въ отдѣлѣ «Пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго» помѣщена пѣсня «Боярское сватанье» почти тождественная съ приведенной ниже колядкой: «Ой рано рано кури запіли», которую и до настоящаго времени распѣваютъ у насъ въ Глуховскомъ уѣздѣ.

(Колядки)

Ой рано, рано кури запіли
Святой вечеръ *)
Ще ранійше того Иванко уставъ,
Лучкомъ позвонивъ, братиковъ побудивъ:
—Вставайте, братці, коней сіджайте,
Коней сідлайте, хортивъ скликайте.
Пойдемо навлові въ зеленій дуброві,
Ой тамъ навыйідавъ куну въ дереві,
Куну въ дереві, дівку въ теремі.
Вамъ же, братці, всімъ по куниці,
А мині молодому дівка въ теремці.
Вечоръ добрий!..

А въ пана, въ пана, въ пана хозяина
Святой вечеръ!
Передъ дверми стоить калина,
Пудъ калиною Егорко ходить,
Егорко ходивъ, рученьки ломивъ,
Рученьки ломивъ, батенька просивъ:
—Ой тату, тату, ожени мене,
Ожени мене, не бари мене!
—Ой синку, синку, кого ти любишь?
—Я тую люблю, шо пудъ сонцемъ ходить!
—Ой сынку, сынку тожъ намъ нерувня,
Тожъ намъ нерувня, тожъ королевна!
А сватай, сватай Павлѣву дочку,
Павлѣву дочку, дівку Ганночку,
Ой тожъ намъ рувня, не королевна!

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха.

Да бувай здоровъ, славни козаче
Славни казаче, молодець Егорко!
Святий вечеръ!..

Колядинъ, колядинъ,
Я въ батька одинъ
(Святий вечеръ!)
Дайте ковбасу,
Батьку понесу.
Дайте кишечку,
Изнимъ въ затишечку.
Мати казала,
Шобъ принісь сала.
Батько сварився,
Шобъ не барився!..
Святий вечеръ.

(Щедрівки).

Ой въ саду, въ саду, въ саду винограду,
Щедрий вечеръ, щедрій вечеръ *)
Тамъ стояла білая береза;
Білая береза, тонка, висока;
Тонка, висока, листемъ широка.
Що на туй березі кора золотая,
Кора золотая, жемчужная роса.
Де не взяли ся райскія пташки
Обдзѣвбали золотую кору,
Золотую кору, жемчужную росу,
Крилечками обтрепали.
Де неувзялась дівка Марьечка,
Посбирала ту золоту кору,
Золотую кору, жемчужную росу.
Понесла вона къ золотарікамъ;
—Золотаріки, мои братіки!
Искуйте міні три кубочки,
Три кубочки, три нарядочки;
Первий кубокъ—отцю, матці,
А другій кубокъ—братіку да сестрі,
А третій кубокъ—милому да міні!
Отцю матці—шумнее пиво,
Братіку да сестрі—зеленее вино,
Милому да міні—солодокъ да медокъ!..
Да бувай здорова, красная паня,
Красная паня—дівка Марьечко
Добри вечеръ!..

*) Повторяется послѣ каждаго стиха.

Славенъ, славенъ молодець Иванко
Щедрий вечоръ (2 раза)
Ой чимъ же вунъ прославився?
Щедрий вечоръ,
Трома городами, своими слугами *)
Слуги мои молодий
Запрягайте кони вороний
Пойдемо у Миръ-городъ
Вузьмемъ собі помиряночку
Помиряночку королевночку
Отцю-матки на послужечку
Мині молодому на подружечку
Отцю-матки слуга буде
Мині молодому пара буде
Отцю-матки діло робити
Мині молодому въ гості ходити
Ой бувай здоровъ, славни козаче
Славни козаче, молодець Иванко
Не самъ съ собою,—съ отцемъ съ матерью
Зъ милимъ Богомъ, зъ усімъ родомъ
Вечоръ добрий!

Що въ Кієві да на риночку,
Щедрий вечоръ!
Тамъ Варочка садъ садила,
Садъ садила, говорила:
— Рости, саду, више мене,
Више мене, краше себе,
Щобъ яблочки буйнесенъки,
А орішки дробнесенъки,
А ягодки краснесенъки.
Яблучками пудкидатися,
Орішками забовлятися,
Ягодками красоватися
Щедрий вечоръ!
Да бувай здорова красная пані,
Красная пані, дівка Варочка!..
Добрий вечоръ!

Сівъ Ісусъ да вечерати,
Добрий вечоръ (2 р.)
Пришла къ ёму Божая мати.
— Покинь синку вечеряти,
Возьми, синку, райски ключи,
Одомгни, синку, рай и пекло,
Повипускай синку грішнийі души
А одну души не випускай синку,—
Одна душа согрїшила:
Отця—матерь полаяла,

*) Прип'євъ: «Щедрий вечоръ» постоянно повторяется послѣ каждаго стиха.

Не полаяла, подумала.
Ой бувай здоровъ, пане господаре,
Не самъ съ собою, съ своею жоною!
Вечоръ дѣбрій!..

«Говорятъ, что былъ когда-то болванъ Коляда,—пишетъ Н. В. Гоголь въ своемъ разсказѣ «Ночь передъ Рождествомъ»,—котораго принимали за Бога, и что, будто, отъ того пошли и колядки. Кто это знаетъ? Не намъ простымъ людямъ объ этомъ толковать. Прошлый годъ отецъ Осипъ запретилъ было колядовать по хуторамъ, говоря, что этимъ народъ угождаетъ сатанѣ. Однако жъ, если сказать правду, то въ колядкахъ и слова нѣтъ про Коляду. Поютъ часто про Рождество Христа, а при концѣ желаютъ здоровья хозяину, хозяйкѣ, дѣтямъ и всему дому».

Въ нашихъ колядкахъ и щедрівкахъ также ничего нѣтъ про Коляду...

Самыя щедрівки и колядки проходятъ также весело и шумно, какъ въ чудесномъ Гоголевскомъ разсказѣ.

Шумная толпа дѣвушекъ съ веселымъ смѣхомъ подбѣгаетъ къ запущенному инеемъ, освѣщенному колеблющимся свѣтомъ лампадки, окну.

— Дядюшка Свиридонъ!—кричитъ самая бойкая дѣвушка,—дозвольте щедровать!

— Ничимъ даровать!—глухо доносится изъ хаты.

— Якъ се такъ ничимъ?—задорно спрашиваетъ дѣвушка.

— Грошей нема, не заробивъ!

— Чому жъ ви, дядюшка, не заробили?

— Ну Богъ зъ вами,—отзывается голосъ изъ хаты,—вась не переговоришь. Щодруйте!

— Кому?

— Да хоть Марку!..

За окномъ стройно и отчетливо раздается «щедрівка».

Царь Максимиліанъ.

У «паробковъ» или «хлопцовъ» есть свое святочное развлечение: вождение по мѣстечку и по сосѣднимъ хуторамъ и деревнямъ «Царя Максимиліана» *). Въ этой, столь популярной народной «кумедіи», участвуетъ 19 «хлопцовъ», изображающихъ: Царя-Максимиліана, Адольфа-царскаго сына, Брамбеуса-палача, Максимку-кузнеца, Скорохода, Дѣвицу, Старшаго Богатыря, Младшаго Богатыря, старика Марка-гробокопателя, Доктора, Гусарина, Чернаго-Арапа, Анику-воина, Змѣя-улана, Смерть, Жида-Ицку, Цыгана-Ивана и Короля-Мамая.

Парни наряжаются въ разные военные доспѣхи, которые можно добыть подъ рукой, и даютъ по хатамъ представленія. Появленіе импровизированной труппы въ селѣ—цѣлое интересное событіе. Хозяева позажиточнѣе зазываютъ «кумедію» въ свои хаты и вскорѣ сюда биткомъ набивается деревенская публика, чтобы посмотреть представленіе.

Для «царя» ставится стѣлъ или табуретка, онъ садится и говорить свои риемованныя рѣчи, которыя чередуются съ пѣніемъ всѣхъ

*) О народной «кумедіи» «Царь Максимиліанъ» мною помѣщена особая статья въ «Извѣстіяхъ отд. русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» т. IX, 1904 г., стр. 266—298.

участвующихъ въ трупѣ. За доставленное удовольствіе хозяева расплачиваются съ деревенскими артистами саломъ, колбасами и другими подарками или деньгами. При дѣлежѣ гонорара нерѣдко происходятъ между подвыпившими артистами жестокія коллизіи, оканчивающіяся порой общей свалкой...

Засиваніе.

У маленькихъ мальчиковъ тоже есть свое новогоднее развлеченіе. Они встаютъ вмѣстѣ съ разсвѣтомъ («вдосвіта»), берутъ въ свои «шаньки» (торбы) у матерей разнаго зерна,—гречихи, гороху, ячменя и т. д.—, ходятъ изъ хаты въ хату и, бросая горсти зерна, причитаютъ:

Ходить Илля
На Василя,
Носить пугу
Житяную.
Куда не махне,
Тамъ жито росте,
Жито, пшениця,
Всяка пашниця.

Поздоровляю васъ съ празникомъ, Новимъ Годомъ.
Или:

Я маленъки хлопчикъ,
Злізъ на стовбчикъ,
На дудочку граю,
Христа забавляю.

Хозяйки даютъ мальчикамъ по конфеткѣ или по прянику. Болѣе досужіе ребята сооружаютъ звѣзду и посятъ ее изъ избы въ избу, въ теченіе святокъ, распѣвая стихъ:

«Шедшіи три цари
Несли Христу дари»...

Дѣтскія побасенки.

Кстати, заодно ужъ, я позволю себѣ привести здѣсь образцы шуточныхъ побасенокъ и небылицъ, которыми развлекаются дѣти, а иногда и взрослые въ долгіе зимніе вечера:

Бувъ у бабушки козелъ (2 раза)
Онъ на привязи стоявъ (2 раза)
Онъ сухарики ѣдавъ,

По средамъ да по пятницямъ...

Помішалася вода съ пескомъ,
Поругалася старуха съ старикомъ,
Загубили вони рогъ съ табакомъ.
А Харлампій Иванчинъ йшовъ,
Вунъ рогъ съ табакомъ знайшовъ.
Ай шутиця пошутиця була,
Шо куриця поросять навела,
А свиня да яецъ нанесла.
Безрукій тийі яеця побравъ,
А голому да за пазуху наклавъ,
А сліпи да пудглядувавъ,
А глухи да пудслухувавъ,
А німи той ура закричавъ,
Безногого въ погонь погнавъ,
Шолудивого за петли понавъ.
Ой старіи людиці, чи не чули ви присловиці?
Шо Иванька Царевъ женитця,
Вунъ женитця женихаетця,
Бере жунку молодевою,
По батьку молодевою;
Сто двадцять пять бояриновъ;
А сто триста такихъ мужиковъ—
И Божокъ Дармидонъ и Роспутни Антонъ,
И Божокъ Антошка, Чечелівъ Прокошка,
Божкова Параска, Буцкова Сокліта...

(Небылица).

- Здравствуй Мишка!
— А, здоровъ, Гришка!
— Воткудова ты?
— Изъ Ростова.
— Я слыхавъ, шо въ городі Ростові большой дубъ поросять навьювъ.
— Не могу—знатиму доказать...
— Я слыхавъ шо въ городі Ростові большое озеро вигоріло.
— Я ішовъ мімо того озера,—лежитъ большая щуга, хвостъ отгнивши, голова отгорівші.
— Я слыхавъ, шо въ городі Ростові князь сина женить.
— Не могу знатиму доказать. Ишовъ я мімо княжеского двора,—собаки позапряжени, кошки позавозжани, а пани по погребамъ седять.
— Значить ты Ростовськи?
— Конечно Ростовськи! Шо я тобі брехать буду..
— Я слыхавъ шо въ г. Ростові сильная ярмалка?
— Не боровъ.
— Кажуть длинна?
— Не мірявъ.
— Шо тамъ почумъ?

— Мука по мѣшкамъ, табакъ по рожкамъ, а гроши по шка-
тулкамъ.

— Шо-жъ ты собі купишь?

— Було въ мене трошки грошку, купишь собі мірочку горошку;
ишовъ черезъ мостъ, виставивъ дьяволь хвостъ, споткнувся черезъ
тотъ хвостъ, розсипавъ горошокъ пудъ мостъ...

— Плохо-жъ тое діло!

— Плохо да не зовсімъ.

— Какъ?

— Да вотъ какъ!

— Што?

— Да вотъ што!

— Говори!

— Слушай! Екъ ставъ я той горохъ собирать, насбиравъ три
горошины, якъ посіявъ пудъ поломъ, уродило въ мене стручче якъ
дручче.

— Хорошее твое діло!

— Хорошее да не завсімъ!

— Какъ? (и т. д.).

— Екъ унадились до мене попові свинні, вийіли горохъ до
стеблини.

— Плохо твое діло.

— Плохо да не зовсімъ (и т. д.).

— Екъ зачавъ я тихъ свиной бить, да изъ ихъ сало солить;
насолить я 40 бодень.

— Хорошее твое діло!

— Хороше да не зовсімъ (и т. д.).

— Екъ унадились до мене попові кошки, вийіли у мене сало
до крошки; екъ зачавъ я тихъ кошокъ бить, да изъ ихъ смухи чи-
нить. Пошивъ я своей жоні шубу; пошла моя жона до церкви. Екъ
зачавъ батюшка кадить, да на людей глазами водить,—изнявъ изъ
моей жони шубу. Екъ зачавъ я съ попомъ судитьця., присудили
мні корову зъ одной ціцькой.

— То не корова!

— А што?

— Вовкъ!

— Въ лобокъ тобі толкъ!

— То не вовкъ, то ліса!

— До темячка тобі коса! Я про лісу самъ розкажу. То ліса, шо
по дереву лазить, да орішки жреть.

— То білка.

— Сімячка тобі мірка! Я про білку тобі самъ розкажу! То
білка, шо пудъ клуньгами лазить, да печерки роеть.

— То мишь!

— Въ . . . ей подышь! То мишь шо по рѣкамъ лазить да пе-
черки роеть.

— То ракъ!

— Иди ты самъ дуракъ! Увесь Ростовъ пройшовъ такого ду-
рака не знайшовъ!

Соломенный возъ... Охъ онька,
Сірая суконка...
Везъ баринъ бабу
Соломенный возъ!
Лежить баба на боку
Повни нусъ табагу!
Сіла баба та й заснула.
Прійшла свинья
Бабу пхнула.
Повели свиню до пана,
Свинья божитьця—не пхала!

Христось Воскресе
Хома паску несе,
А Хомиха порося,
Постой, Хома, похристосуемся!

Лирники.

Зимой, чаще чѣмъ лѣтомъ, ходять изъ хаты въ хату слѣпые лирники-«старці» — и подъ акомпаниментъ своего незатѣйливаго инструмента,—трехструнной лиры, съ вращающимся колесикомъ,—распѣвають свѣтскія и духовныя пѣсни, получая за это отъ хозяевъ «посильные дары» хлѣбомъ, саломъ и мелкой монетой. Въ мѣстечкѣ Воронежѣ постоянно живетъ лирникъ Алексѣй Побѣгайло, Вотъ наиболѣе популярная изъ его пѣсенъ:

«Пѣсня про Хому и Ярему».

Пойдемъ, братци, въ кабачекъ,
Вишьемъ водочки крючекъ.
Ви послушайте міране,
Православни християне,—
Я вамъ пісню спою
Про Ярему про Хому.
Што Хомушко да Ярема
Родние братья,
Што на Хомі на Яремі
Разное платье:
Носивъ Хома кобенякъ,
А Ярема ходивъ такъ.
— «Ой худо, братъ Ярема (2 раза).
Негде счастья нема!
Чи не лучче наше діло,
Нумо такъ проживать (2 раза)
Нумъ горошками торговать (2 раза)
Собі деньги считать».
Набравъ Хома горшковъ,
А Ярема макотерь
Сівъ Хома на горі,
А Ярема пудъ горою.
Што Хомушка покотивъ
И Яремини побівъ (2 раза)

Собі шкоды наробивъ.
—«Ой и худо, братъ Ярема (и т. д.).
Чи не лучче наше діло
Нумо такъ прожигать (2 раза)
Чужи нбари обкрадаты (2 раза)
Собі деньгы считатьъ». —
Пошовъ Хома въ лавку,
А Ярема у инбаръ,
Тамъ Хомушку захватили,
Носаками покотили.
—«Ой худо, братъ, Хома (и т. д.),
Нумо такъ прожигать,
Нумъ по шляхамъ стоять (2 раза)
Добрихъ людей розбивать (2 раза)
Собі деньгы считатьъ». —
Взявъ Хома дубину,
А Ярема осину,
Пошовъ Хома у дісокъ,
А Ярема у борокъ.
Ставъ Хома пудъ вязомъ,
А Ярема пудъ кустомъ.
Три неділи простояли,
Никого въ глаза не видали,
На четвертую неділю,
Йихавъ панъ-дворянинъ (2 раза),
То боярської синъ (2 раза):
Хому за чубъ ухвативъ,
Бивъ Хому плетью,
А Ярему канчукомъ.
Побігъ Хома крѣпко,
А Ярема сторчакомъ.
—«Ой худо братъ Хома (и т. д.).
Нумъ до церкви ходить,
Свои души спасать». —
Пошовъ Хома въ олтарь,
А Ярема на клиросъ,
Надівъ Хома ризы,
А Ярема штихаръ.
Ставъ Хома за попа,
А Ярема за дяка.
Што Хомушка зачитавъ,
А Ярема заскакавъ.
Де не взявся пономаръ,
Тому дому господаръ (2 раза),
Хоми робра поламавъ,
Што Хомушка утікавъ,
Окно дверми показавъ.
—«Ой худо, братъ, Хома (и т. д.)
Нумо такъ прожигать,
На скрипиці игратъ (2 раза)». —
Справивъ Хома скрипку,
А Ярема гусли.
Пошовъ Хома до попа,
А Ярема до дяка,
Тамъ же саме попъ разгулявся,

За Яремой за Хомой
Съ дубиною гнався.
Што Хомушка утікавъ,
Свого братця наганявъ.
—«Ой худо, братъ Хома (и т. д.).
Нумъ на річку ходить (2 раза),
Собі рибку ловить (2 раза).
Свои души ситить».
Справивъ Хома човень,
А Ярема лодку;
Што въ Хомі безъ бока,
А въ Яремі такъ безъ дна.
Сівъ Хома въ лодку,
А Ярема въ човень.
Поймавъ Хома окуня,
А Ярема плотку.
Вони зрадувались,
И повивернулись;
Шо Хомушка на дно,
Дакъ Яреми не видно.
Што Хомушку тягнутьъ,
А Ярему волокутьъ;
По Хомушкі дзвоняць,
Ярему хороняць.

Масленица.

Особенно шумно и разгульно проводится «масляна». Въ это время по селамъ начинается повальное пьянство.

Въ понедѣльникъ, послѣ «заговінъ» бабы несутъ на базаръ продавать сыръ (творогъ), масло, сметану и т. п. Потомъ собираются въ избу, до какой-нибудь гостеприимной («куми»), покупаютъ въ складчину водку, пекутъ блины и варяць вареники. Ходяць также изъ избы въ избу и поютъ пѣсни:

Масляница баламутка була,
Обищала сиру, масла,
Та и не хутко дала!..

Масляница криворота,
Не попала въ хвуртку,
Да въ ворота... и т. д.

Существуетъ при этомъ обычай привязывать неженатымъ и незамужнимъ «колодку» (полѣно) къ ногѣ. Кто не успѣлъ отбиться отъ «колодки», долженъ купить въ видѣ откупа «півкварти гарілки». Катанье на лошадяхъ здѣсь мало распространено.

Въ «неділю» опять заговляють на «великі пустъ», во время котораго не даютъ скоромнаго самимъ маленькимъ дѣтямъ, процентъ смертности которыхъ въ это время значительно повышается.

Весною.

Такъ въ трудахъ и развлеченіяхъ проходитъ зима. Съ каждымъ днемъ солнце начинаетъ пригрѣвать сильнѣе и, наконецъ, снимаетъ бѣлую пуховую скатерть, покрывавшую поля и огороды; высокія мѣста начинаютъ просыхать и въ праздники на нихъ собираются хлопцы играть «въ шара», т. е. подбрасываютъ деревянный шаръ и на лету стараются попасть въ него короткими и толстыми палками— «шаровнями». Эта игра пользуется большимъ успѣхомъ не только среди подростковъ, но также и среди взрослыхъ. По вечерамъ, пока полицейскій обходъ не розгонитъ поющихъ дѣвушекъ, село оглашается звонкими пѣснями-веснянками, въ которыхъ часто слышится припѣвъ:

Весна, весняночка,
Де жь твоя дочка паняночка... Гу-у-у!..

Вмѣстѣ съ теплыми днями начинаются полевые работы, поглощающія всецѣло время и вниманіе крестьянина.

Примѣты.—Суевѣрія.

Выше я привелъ нѣсколько колядокъ и щедрівокъ, переносящихъ насъ въ далекія времена IX—X столѣтій. Къ сожалѣнію, въ описываемой мною народной средѣ сохранились не одни только поэтическія отголоски старинной полудикой эпохи; сохранилось также немало суевѣрныхъ пережитковъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о поразительномъ народномъ невѣжествѣ.

Въ силу особыхъ причинъ, о которыхъ я скажу ниже, невѣжество мѣстнаго населенія съ теченіемъ времени не только не уменьшается, а наоборотъ, какъ будто бы растетъ...

Несмотря на существованіе земскихъ врачей населеніе по старому чтитъ «знахарей» и лѣчится домашними «средствіями». У доктора М. Воронежа я видѣлъ недавно любопытную ладонку, которую онъ нашелъ на груди больной туберкулезомъ. Ладонка состояла изъ тряпочки, въ которую былъ вложенъ лоскутокъ бумажки со слѣдующей абракадаброй:

А в р а а м ъ
В р а а м ъ
Р а а м ъ
А а м ъ
А м ъ
М ъ
Ъ

Бѣдная больная носила этотъ талисманъ отъ «хунди», т. е. лихорадки.

Однажды мѣстная старая ворожея изобрѣла новое универсальное средство отъ всѣхъ болѣзней, которымъ пользовалась всѣхъ приходящихъ. Оно называлось «золотой грибъ» и состояло изъ сулемы, синяго камня, «острой воды», мухомора и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что бѣдность и невѣжество являются двумя главнѣйшими причинами, наблюдаемой здѣсь поразительной дѣтской смертности. То и дѣло вы видите некрашенные дѣтскіе гробики, относимые родителями на тихое деревенское кладбище.

— Видно такъ Богу угодно! — утѣшаетъ себя мать, и по прежнему забираетъ всю свою дѣтвора и ведетъ къ сосѣду прощаться съ покойникомъ, умершимъ отъ дифтерита или какой-либо другой заразной болѣзни.

Падежъ скота объясняется также попусценіемъ свыше. Начинается, положимъ, эпидемія. Населеніе волнуется. Вскорѣ возникаетъ слухъ, находящій горячихъ сторонниковъ.

— Вы-бы принали мѣры! говоритъ народу ветеринаръ *)

— Какія тутъ мѣры... тутъ попусценіе Божіе! Морище!..

— Что такое?

— У пильщиковъ спитайте. Вони скажутъ.

Пильщики стало быть, работали въ лѣсу и слышали невѣдомый голось:

— Вацю! Вацю! ваць, ваць, ваць!

— Шо ти таке? спросили пильщики.

— Я морище! отвѣтствовалъ невѣдомый гласъ.

— Чого-жь ти хочешь?

— Я свиней скликаю. Истреблю всѣхъ свиней, ни единой потомъ не оставлю. Доберусь потомъ до овечекъ и до коровъ доберусь!..

— За що-жь ти такъ тяжко караешь насъ?

— За беззаконія ваши и многія смрадныя прегрѣшенія. Бога забили. Попамъ виручки не даете, по средамъ да по пятницамъ скоромное жрете!..

Перечислимъ нѣкоторыя примѣты, записанныя въ мѣстечкѣ Воронежѣ.

Въ какую сторону воеетъ собака, тамъ будетъ пожаръ.

Если кошка перебѣжитъ дорогу или перейдетъ женщина съ пустыми ведрами или попъ, не будетъ добра.

На третьей недѣлѣ послѣ «молодика» (наволунія) нельзя ничего предпринимать важнаго.

По заходѣ солнца нельзя катать бѣлья, а то скотъ будетъ болѣть.

Если посмотришь на мертвеца въ окно и возьмешься потомъ рукой за какую-нибудь часть тѣла, тамъ будетъ «наростень».

Кабана закармливать надо начинать на «молодику», въ среду первой недѣли. Чтобы кабанъ былъ жирный, закармливать надо такъ: Взять немного щетины съ хвоста, взять по 3 ложки провизіи съ каждой «стравы» (кушанья), смѣшать все это и дать кабану.—

Если хвостъ корова положить на спину, будетъ дождь.

Нельзя одѣвать новую сорочку въ понедѣльникъ—будетъ обида.

Нельзя свистѣть ни во дворѣ, ни въ домѣ; гдѣ постоянно свистятъ, тамъ дворъ разорится.

Нельзя ходить по мѣсту, засѣянному огурцами,—огурцы будутъ горькіе.

Нельзя ступать на то мѣсто, гдѣ собака поскребла лапами землю,—болѣзнь будетъ.

Нельзя ступать на то мѣсто, гдѣ валялась лошадь,—лишай будетъ.

*) Эти разговоры я заимствую изъ своей замѣтки въ свое время появившейся въ періодической печати.

Нельзя пряхть въ пятницу.

Если кто начнетъ тебѣ завидовать, то для отвращенія несчастья нужно три раза плюнуть въ сторону и откусить частицу ногтя. Завидовать нельзя ни человѣку, ни скотинѣ.

Нельзя ничего рубить на порогѣ,—будетъ лихорадка.—Во время заговѣнья нельзя чесать голову, иначе куры будутъ грядки грести; нельзя также въ этотъ день шить, иначе на пальцахъ будутъ нарывы.

Въ поминальные дни нельзя шить,—«дѣдамъ очи позашиваешь».—Если корова отелится, то нельзя въ тотъ день никому ничего ни давать въ долгъ, ни продавать, иначе «теля буде блудяще».—Кто сдѣлаетъ поджогъ, у того въ теченіе шести недѣль будетъ на спинѣ черный крестъ.—

Нужно замѣтить, что далеко не всѣ повѣрья такого невиннаго свойства; такъ напримѣръ, существуетъ глубоко вкоренившееся убѣжденіе, что свѣча, сдѣланная изъ человѣческаго сала, имѣетъ чудесное свойство наводитъ мертвый сонъ на всѣхъ людей. Когда такая свѣча зажжена, можно брать все, что угодно: никто не проснется.

Не такъ давно, выѣздная сессія нѣжинскаго окружнаго суда разсматривала въ г. Глуховѣ характерное дѣло объ убійствѣ мальчика съ суевѣрными цѣлями въ деревнѣ Никитовкѣ Глуховскаго уѣзда *).

Крестьянинъ деревни Никитовки Антонъ Мельникъ тоже крѣпко вѣрилъ въ чудодѣйственную свѣчу изъ человѣческаго сала. Онъ задумалъ во что бы то ни стало достать эту свѣчу.

Задача была не изъ легкѣхъ, потому что сало надо было вырѣзать непременно изъ живого человѣка. Ходилъ въ избу къ Антону дальній родственникъ Мельника, здоровый краснощекий Ваня, одиннадцатилѣтній сынъ вдовы Евдокіи Моргунъ. «Жирнаго» Ваню и намѣтили «для свѣчи» отецъ и сынъ Мельники и, чтобы приручить его къ себѣ, дарили ему разныя игрушки. На третій день Пасхи мальчикъ качался на качеляхъ въ Антоновой клунѣ.

Въ это время сынъ Антона Мельника Митрофанъ подкрался къ мальчику сзади и ударилъ его въ голову кирпичемъ.

Ему скрутили поясомъ руки и ноги, и, какъ выяснилось впоследствии, стали вырѣзывать изъ живого мальчика куски жира... Окружный судъ приговорилъ Антона Мельника къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ, а его сына Митрофана на 12 лѣтъ.

Безъ сомнѣнія, причины преступленій произведенныхъ суевѣрїемъ, зависятъ не только отъ злой воли отдѣльныхъ лицъ, а также отъ окружающей тьмы...

Заключеніе.

Въ заключеніе, я позволю себѣ указать на ту главнѣйшую причину, которая мѣшаетъ проникать лучамъ свѣта въ темное царство украинскаго народа.

Такой причиной, несомнѣнно, является запрещеніе малороссамъ имѣть школы и книги на родномъ языкѣ. Какъ извѣстно, на осно-

* Этотъ случай уже былъ оглашенъ мною въ «Недѣль».

ваніи распоряженія 18-30 мая 1876 г. текущая литература вовсе воспрещена на украинскомъ языкѣ.

Между тѣмъ, книги и газеты на русскомъ языкѣ непонятны малороссу.

Въ свое время пишущему эти строки приходилось учиться въ сельской начальной школѣ въ Малороссіи. Я помню, какъ много было у насъ убито времени и силъ только потому, что обученіе велось на чуждомъ для насъ русскомъ языкѣ, по чуждымъ русскимъ учебникамъ. Тѣ книги, которыя намъ выдавали въ школѣ, мы приносили домой и читали ихъ вслухъ, но онѣ оставались непонятными нашимъ родителямъ. Иногда же кому-нибудь изъ насъ случалось добыть украинскую книжку.

Счастливымъ обладателемъ «Черной Рады,» «Гайдамакъ» или «Проповѣдей» Гречулевича выходилъ на улицу, садился «на колодки» и читалъ вслухъ, и вскорѣ вокругъ чтеца собиралась чуть ли не вся улица; впечатлѣніе было огромно; слышались сочувственныя замѣчанія; радостной улыбкой озарялись лица слушателей при звукахъ «рідной мові»...

Къ чему привели многочисленныя запрещенія издавать періодическіе органы на украинскомъ языкѣ, печатать переводы и книги для дѣтскаго чтенія?

Неизбѣжно они приводили къ угасанію народнаго духа и творческихъ силъ страны и вызвали замѣтную отсталость здѣшняго населенія, а умственная отсталость бросила свою черную тѣнь на всѣ стороны народнаго быта, потому что

«На поприщѣ ума нельзя намъ отставать».

СНБ.

Иванъ Абрамовъ.

Примѣчаніе. Отмѣтимъ, кстати, нѣсколько характерныхъ мѣстныхъ фамилій и прозвищъ: Сопати копитанъ, Скляръ, Геремесь, Мозокъ, Ковбаса, Перегуда, Зазуля, Щастни Коржъ, Макуха, Свѣтовой, Портянка, Гречка, Чайка, Кривоносъ, Рыбалка, Ляхъ, Суховій и т. д.